

К СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОЙ КОНЦЕПЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ИДЕАЛЫ И РЕАЛИИ

Статья 1

В.П. Фофанов

Новосибирский государственный
университет

lanetskaya@ngs.ru

Цель статьи – характеристика методологических и онтологических оснований субъект-субъектного исследования советского общества. Проанализированы уровни рефлексии, присущие этой системе, и роль социального проекта в ее развитии.

Ключевые слова: субъект-субъектное взаимодействие, социальная рефлексия, социальный проект.

В современной России по вопросу о «природе советского общества» сложилось острое размежевание. От оценок типа «первое государство рабочих и крестьян», «общества победившего социализма» до идей «деформированного социализма», «казарменного социализма» и даже «тоталитарного государства», которое сближают с государством нацистским.

В данной статье ставится задача охарактеризовать методологические и онтологические предпосылки построения теоретической схемы, которая направлена на описание этого общества как процесса и продукта реализации определенного социального проекта.

1. Субъект-субъектный подход и методология исследования советского общества

В отечественных социально-гуманитарных науках в качестве базового используется так называемое «субъект-объектное отношение», выработанное в западной философии Нового времени. Я полагаю, что этот конструкт нуждается в теоретическом преодолении, ибо страдает методологиче-

ским дефектом, который называется «неполнотой выделения системы». В качестве альтернативной онтологической схемы в свое время мной был предложен конструкт, который терминологически можно обозначить как «субъект-субъектное отношение»¹. С его помощью можно представить развитие социальной системы как некоторую результирующую разнонаправленных действий субъектов, которые по своим объективным интересам могут так или иначе интегрироваться в различные более крупные группы, имеющие, соответственно, различные экономические, политические и другие интересы. «Набор интересов» определяется «набором» существующих в данной социальной системе видов общественных отношений.

Разумеется, это лишь самый абстрактный уровень развертывания субъект-субъектного подхода. В реальном историческом процессе имеются очень сложные комбинации «совпадений» или «несовпадений» интересов, причем в рамках одних

¹ См. подробнее: Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. – Новосибирск: Наука, 1981.

видов общественных отношений интересы той или иной пары субъектов могут в большей или меньшей степени совпадать, а в других в большей или меньшей степени не совпадать, а в предельном варианте противоречить друг другу. Это создает очень сложную палитру взаимодействий. Результирующие этих взаимодействий, опредмечиваясь, меняют условия последующего взаимодействия субъектов. Новый акт взаимодействия создает новый баланс социальных сил, и через такие циклы вершится исторический процесс. При этом никому из субъектов не удастся реализовать свои цели полностью. Как говаривал Энгельс, в истории каждый стремится к своей цели, а в результате появляется нечто третье, чего никто не хотел. Происходит это именно потому, что разнонаправленные действия субъектов каждый раз снимаются некоей результирующей. Поэтому историю надо объяснять не просто через действия социальных групп, но через их взаимодействия.

Принцип классовой борьбы, введенный К. Марксом как универсальный объяснительный принцип для всех классовых обществ, является частным случаем такой схемы. Наряду с борьбой всегда имеется кооперация. Даже находясь в таком взаимодействии, как борьба, классы одновременно в той или иной степени сотрудничают между собой. При этом каждый из них имеет свою «картину мира», на основе которой строит свою, подчас весьма сложную программу деятельности, разрабатывает проекты – от частных до огромных – исторического масштаба.

Даже простое сопоставление картин мира взаимодействующих субъектов позволяет исследователю раскрыть «правду» каждого из них, т. е. объективную обусловленность способа мышления и логики по-

ведения, характера «проектов» каждого из субъектов его местом в данной социальной системе. Поскольку эти картины противоречивы и вместе с тем взаимодополнительны, исследователь получает из их синтеза общий базис для анализа общественного сознания системы на более высоком рефлексивном уровне.

Что же касается каждого субъекта, то, определив возможные варианты его поведения, в зависимости опять-таки от его места в системе, исследователь может установить не только «степени свободы» субъекта в данных конкретно-исторических условиях, но также определить характер и степень влияния его сознания на его поведение, в том числе на выбор, который делает субъект.

Более высокие уровни рефлексии включают, в частности, взгляд на социальную систему в логике ее прогресса или, наоборот, регресса. Поскольку здесь опять-таки проявляется субъективность исследователя, которая нуждается в снятии, и здесь также должны быть осуществлены специальные процедуры. Не имея возможности развернуть характеристику предлагаемого подхода более полно, ограничусь лишь одним примером, который, с одной стороны, позволяет продемонстрировать познавательный потенциал этой теоретико-методологической позиции, а с другой – помогает решить одну из содержательных задач на пути построения предмета исследования как некоторого теоретического конструкта, необходимого для раскрытия сущности объекта исследования – советского общества.

Этот подход позволяет прежде всего обеспечить исследователю возможность преодолеть, снять язык, на котором «говорит» это общество, и сделать его не сред-

ством собственной деятельности, а составным элементом собственного предмета исследования. Для этого необходимо рефлексивно-критически переосмыслить тот понятийный и словесный аппарат, который используется субъектами данного общества и тем самым освободить себя от многих иллюзий, которые неизбежно возникают у субъектов, включенных в ту или иную социальную систему, – в данном случае в систему общественных отношений, присущих «советскому обществу» как некоторой социальной реальности, выступающей в качестве объекта исследования.

Поскольку практическая рефлексия включена в само межсубъектное взаимодействие, постольку рефлексия каждого из субъектов осуществляется опосредованно через другого субъекта. Специфика социальной деятельности здесь состоит именно в том, что она превращает в предмет и другого субъекта, и в конечном счете – самого себя. С учетом этого не может быть, например, той абсолютной поляризации сознаний совокупного пролетария и совокупного буржуа, на которых, по Марксу, держатся развитые формы их классовой борьбы. Так, видя себя в буржуа как в социальном зеркале, пролетарий осознает через него свою сопричастность к системе, осознает свое взаимодействие с ним как необходимое условие собственного существования.

Проследивать такого рода рефлексивные связи субъектов чрезвычайно важно и в процессе исследования советского общества. Благодаря подобному механизму здесь рождалась на уровне массового сознания, в частности, идея социального равенства. Эта идея имела своим «объективным основанием» общепризнанный факт наличия «общенародной собственности». Работа рефлексивного механизма в этих усло-

виях сближала самосознание разных групп, а вместе с тем и мешала видеть присущие этому обществу имущественные различия и обусловленные этим различия интересы. Однако когда с уровня массового сознания эта идея переводилась на специализированный уровень и формулировалась в виде идеологемы «социальной однородности общества», она также воспринималась как очевидная и адекватная природе общества. Этим примером я хочу показать, что большинство идеологем, которые исторически возникали, сменяя друг друга, неверно рассматривать только как некую «пропаганду», навязываемую «сверху». Не будь у этих идей некоей мыслительной подосновы в массовом сознании, никакие пропагандистские воздействия сами по себе не возымели бы успеха. Система не только объективно содержала в себе острые межгрупповые противоречия, но исторически сформировалась так, что в ней же содержались механизмы их «демпфирования», в том числе и благодаря особенностям объективной логики формирования общественного сознания.

В связи с этим нуждается в развитии тезис о месте и роли классовой борьбы в историческом процессе вообще и в советском обществе в особенности. В классической концепции Маркса классовая борьба – это прежде всего борьба между классами, такими как буржуазия и пролетариат, и т. д. Однако, несмотря на то что классы в том смысле, в каком они существовали в буржуазном обществе, в советском обществе действительно исчезли, тем не менее классовые и межклассовые отношения, формируясь на новом экономическом основании, продолжали существовать. Соответственно и классовая борьба не исчезла, она лишь существенно трансформировалась. При

изучении советского общества следует обращать внимание не столько на межклассовую борьбу, сколько на борьбу внутриклассовую – межслоевую и даже внутрисловую. Да и в принципе, по моему мнению, конструкт «классовая борьба» без учета его более конкретных разновидностей описывает развитие общества на всех этапах истории слишком абстрактно.

2. Социальные идеалы и два типа социализма

Социальные идеалы играют существенную роль в жизни обществ самых разных типов, они обобщают пройденный обществом путь и выражают стратегические цели доминирующих в обществе социальных групп. Так, в истории России существовали такие идеологемы, как «Москва – третий Рим», а также «православие, самодержавие, народность». Подобные формулы оказывают большое влияние на самосознание общества в целом, а также образующих его групп. Они воплощают общественное согласие, консенсус, на основе которого и поддерживается исторически сложившийся баланс интересов.

Бывают и другие ситуации, когда социальные идеалы общества формулируются заранее и сами выступают как основа социального проекта, который реализуется в данной стране. Есть два примера таких больших социальных проектов. Первый из них – Соединенные Штаты Америки, в основу построения которых «отцы-основатели» положили вполне определенный замысел – идею демократии, как она была отрефлексирована ими на основе целой волны буржуазных революций в Европе. Данная статья прямо связана с другим историческим прецедентом, когда базовая идея была тоже заимствована в Европе и

легла в основу построения «общества нового типа» в России. В основе Октябрьской революции и последовавшего за ней «социалистического строительства» лежит идеал справедливости, построенной на труде, а конкретно – на пролетарской справедливости. Первоначально этот идеал был сформулирован в достаточно жесткой форме – «кто не работает, тот не ест». Иными словами, была поставлена задача построить систему организации труда и распределения произведенных благ, основанную на учете «мерь трудового вклада», т. е. на вознаграждении пропорционально количеству и качеству трудового вклада, за вычетом расходов на общественные нужды.

Откуда же появилась эта идея? Идея справедливости – одна из древнейших в истории человечества. Конкретное понимание справедливости меняло свое содержание от эпохи к эпохе, от общества к обществу и всегда выполняло роль критерия критической рефлексии сложившихся общественных отношений с позиций того или иного класса или этноса. Можно согласиться с тем, что «справедливость живет в массовом сознании, выявляясь как некоторый эталон... Это манящий образ желанного», а именно то, с чем сравнивается и до чего «не дотягивается» реальная жизнь². Исходя из этого поиск справедливой жизни, мечта о «справедливом обществе», желание найти или построить его всегда присутствуют в обществе, особенно в мыслях и чувствах тех, кто так или иначе сталкивается с несправедливостью.

В идеале «трудовой справедливости» можно выделить две составляющие. Это, во-первых, идея равенства и, во-вторых,

² Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. – М.: Политиздат, 1989. – С. 22.

идея общности имущества, – общности, необходимой именно для того, чтобы люди имели равные условия для использования этого имущества в своей деятельности.

Воспользуемся кратким обзором зарождения и развития идеи равенства, который дает В.Н. Кудрявцев. «Уже афинянин Пифагор и его последователи (VI в. до н. э.) начали исследовать понятие равенства, толкуя его как воздаяние равным за равное. Софист Антифон (IV в. до н. э.) обосновывал положение о равенстве всех людей по природе: у эллинов и варваров, благородных и простых – одни и те же естественные потребности». И далее. «Платон (так же, как и Сократ) различал два вида равенства: по мере, весу и числу, а также по достоинству и добродетели. Второй вид – «самое истинное и наилучшее равенство». Развивая эти положения, Аристотель различал два вида справедливости – уравнивающую и распределяющую. Уравнивающая справедливость действует в сфере обмена и сделок, возмещения вреда и назначения наказания. Принцип распределяющей справедливости состоит в делении всех благ (власти, почета, денежных вознаграждений) по достоинству, под которым понимался вклад гражданина в общее дело»³.

А как необходимое средство достижения социального равенства возникает идея обобществления имущества.

Известный математик и общественный деятель И. Шафаревич написал труд, в котором поставил задачу проследить формирование идеи «общности имущества» или, что то же самое, «социализма», а также историю применения этой идеи на практике. Он начинает обзор с Афин, где в 392 г. до Р. Х. Аристофан представил свою коме-

дию «Законодательница», в которой высмеивается «модное тогда среди афинян учение». Раскрывая его суть, Шафаревич цитирует слова героини комедии Праксагоры: «Утверждаю: все сделаться общим должно, и во всем / пусть участвует каждый / ... мы общественной сделаем землю, / всю для всех, все плоды, что растут на земле, все, чем / собственник каждый владеет»⁴. Далее он рассматривает государственный социализм в Империи инков, в Месопотамии, Древнем Египте и т. д.

Основная задача работы этого автора – показать, насколько социализм есть негуманная и несправедливая форма организации общества. На мой взгляд, попытку И. Шафаревича оценить социализм как «стремление общества к самоуничтожению» вряд ли можно считать удавшейся. Дело в том, что он не осуществляет той самой «субъект-субъектной рефлексии», которая потребовала бы от него определить – с какими субъектами социализма по их отношению друг к другу он, исследователь, имеет дело. Я же, проводя такое сопоставление, прихожу к выводу, что эти субъекты делятся на две группы, учесть различия которых крайне важно для оценки социальной роли «обобществления имущества». С одной стороны, это субъекты-эксплуататоры, для которых обобществление имущества есть способ закрепить и усилить эксплуатацию других субъектов, что в конце концов действительно может привести к «самоуничтожению» общества, а точнее – самоуничтожению эксплуататоров, погубивших основу своего существования, т. е. эксплуатируемых. С другой стороны, это субъекты труда, обобществление имущества которых, повторюсь, имеет целью достижение соци-

³ Кудрявцев В.Н. Равноправие и равенство. – М.: Наука, 2007. – С. 22.

⁴ Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. – М.: Эксмо, 2003. – С. 11.

ального равенства и возможностей равного участия как в организации производства, так и в распределении произведенных продуктов. К чему, в частности, стремились и женщины в комедии Аристофана.

Попытки установления общности имущества на трудовых началах имели место в XIX в. неоднократно, – на уровне локальных социальных экспериментов, которые даже из теоретических соображений не могли выжить в мире эксплуатации, – и поэтому неудивительно, что Шафаревич их не упоминает. Хотя принцип полноты эмпирического базиса всякой теории, а в данном случае – развиваемой им теории губительности социализма, следовало бы реализовать. Однако уж совсем непонятным является игнорирование воистину исторического эксперимента – Парижской коммуны, когда рабочие захватили власть в Париже и за недолгие 72 дня существования коммуны успели сделать так много, что их опыт приобрел значение вдохновляющего примера для всех последующих попыток трудящихся установить свою власть в целях создания общественной собственности.

Учитывая наличие двух принципиально разных типов обобществления, считаю необходимым ввести следующую типологию: родовое, абстрактное понятие – «социализм вообще» и два видовых – «эксплуаторский социализм» и «трудовой социализм». Как социализм в интересах эксплуататоров, так и социализм в интересах трудящихся могут существовать в разных исторических формах. Например, общины земледельцев, существовавшие на ранних этапах развития человечества, принято трактовать как формы социализма. Точно так же община русских крестьян является исторически специфической формой социалистического ведения хозяйства. Именно поэто-

му русские крестьяне активно поддерживали партию социалистов-революционеров (которые именно так понимали общественную организацию и интересы русского крестьянства), а потом пошли за большевиками, поскольку эсеры не захотели или не смогли обеспечить реализацию этих интересов, а большевики – и захотели, и смогли. Непонятно также, как можно игнорировать рабочую артель – тоже типичную и достаточно распространенную в России XIX в., построенную на принципах коллективного контроля за производством и распределения «по трудовому вкладу». Кстати, и русские рабочие так легко восприняли идеи западного «пролетарского социализма» не в последнюю очередь потому, что даже работая на частных фабриках, они хорошо знали логику и общинного, и артельного хозяйствования. Думается, если бы И. Шафаревич строил эмпирический базис своего исследования, двигаясь по материалу в соответствии с принципом генетической рефлексии, он, как объективный исследователь, пришел бы к существенно иным выводам относительно сущности социализма и смог бы теоретически отобразить не только многообразие форм, но и социально противоречивую сущность этого феномена.

3. Идеальный тип «пролетарского социализма» как основа «советского проекта»

Перейдем к построению онтологической схемы исследования.

Советское общество есть конкретно-историческая форма перехода к обществу принципиально нового типа. А именно – обществу, построенному на основах трудовой справедливости. Поскольку именно этот проект является критерием оценки

того, что, собственно, по замыслу большевиков, «должно было» произойти в нашей стране «после социалистической революции» и что произошло на самом деле, охарактеризую этот проект подробнее.

Направленность проекта состояла в том, чтобы создать общество самоуправления трудящихся, которые организуют общественный труд на основе их равноправия и в интересах всех членов общества, которые по определению должны быть людьми трудящимися – по своим мотивациям и по уровню профессиональной подготовки, включающей как способность заниматься каким-либо видом производительного труда, так и достаточную компетентность для того, чтобы участвовать в управлении обществом, т. е. в организации производства, потребления и других сфер общественной жизни.

Очевидно, что даже если, пользуясь какими-то благоприятными условиями, трудящиеся возьмут власть в отдельной стране или в совокупности стран в свои руки, то такое общество не может возникнуть сразу. Хотя бы уже потому, что в этой стране (странах) неизбежно будет присутствовать значительное количество людей, до политической революции (захвата власти) не занимавшихся производительным трудом, не желающих и не умеющих им заниматься. Поскольку нетрудовой образ их жизни обеспечивался, как правило, за счет средств, поступающих как отчисления от деятельности трудящихся, то для этих людей тоже возникает проблема, как им существовать, и многие из них могут занять позицию, резко негативную по отношению к произошедшей перемене власти. Даже если часть из представителей прежних эксплуататорских классов согласится начать трудовой образ жизни и влиться в «ряды строителей» новой

социальной системы, тем не менее высоко вероятно, что часть членов этой группы начнет оппозиционную деятельность, будет более или менее активно сопротивляться созданию нового общественного порядка. Чтобы пресечь или хотя бы минимизировать этот процесс до приемлемых пределов, явно окажется недостаточным применение методов только убеждения – требуется и принуждение.

Следовательно, предполагаемое самоуправление трудящихся не может взять на себя функции только самоорганизации. Оно неизбежно должно будет осуществлять те же самые функции, которые осуществляло на предыдущей стадии государство. Между тем в рамках других социалистических течений, прежде всего в рамках анархизма, сложилось понимание того, что государство, являющееся органом закрепления социального неравенства, будучи сохранено хотя бы в каких-то пределах, станет органом воспроизводства социального неравенства и тем самым подорвет основы еще не устоявшегося общественного самоуправления. Поэтому анархисты категорически против сохранения государства после «социалистической революции». Логику анархистов вполне можно понять. Они выражают интересы трудящихся допромышленного производства – ремесленников и носителей других типов производства, построенных на кооперативных началах и не очень больших по своим масштабам. Поэтому они могут обеспечить как производство, так и сбыт продукции в рамках таких небольших общин и их ассоциаций – без участия государства.

Однако пролетариат в собственном смысле слова выступает как агент машинного производства, которое объективно нуждается в гораздо более сложных формах

производственной кооперации и гораздо более сложной сети сбытовых связей, т. е. в наличии гораздо более сложной, иерархически построенной системы обеспечения общественного порядка. А сделать эту систему самоуправляющейся сразу в принципе невозможно. Во-первых, как уже было отмечено, в результате наличия людей, вообще не желающих в ней участвовать, а во-вторых, в силу сохранившихся старых традиций и культуры поведения, построенной на принципе отчужденного, частично-го труда, каковым является труд в буржуазном обществе. И, наконец, по той же самой причине сами рабочие не обладают новыми навыками, которые необходимы для организации труда и всей общественной жизни по-новому.

Все это вынудило марксистов пойти на признание необходимости существования государства на протяжении определенного периода после захвата власти. Однако и они понимали, что государство будет воспроизводить себя, а на этой основе и всю систему старых общественных отношений. Возникающее противоречие было теоретически разрешено Марксом и Энгельсом на основе опыта, который дала Парижская коммуна. Этот опыт состоял в том, чтобы трудящиеся обеспечили максимальный демократизм в деятельности нового государства, его открытость контролю снизу, полную подотчетность и сменяемость чиновников по требованию трудящихся. Был предусмотрен и ряд других мер, направленных на то, чтобы избежать перерождения пролетарского государства, призванного уничтожить эксплуатацию, в государство буржуазное, эксплуатацию возрождающее. Это государство получило название «пролетарской демократии» (в противовес демократии буржуазной) или «диктатуры проле-

тариата». Такое сочетание названий и соответствующих понятий может вызвать недоумение. Однако классики подчеркивали, что эти названия выражают две взаимосвязанные ипостаси, две сущности нового государства, две его основные функции. Первая функция – политическое «подавление» буржуазии и других эксплуататорских, нетрудовых групп с тем, чтобы не позволить им осуществить реставрацию старых общественных отношений. Иначе говоря, диктатура со стороны пролетариата должна была быть направлена на защиту себя от остатков эксплуататорских классов, а также против носителей старых традиций внутри других классов, в том числе и в составе самого пролетариата. Другая же функция должна состоять в обеспечении максимально возможной на данном этапе демократии для пролетариев, начиная с обучения их навыкам участия в управлении и заканчивая созданием системы гарантированного их участия в принятии общественно значимых решений. Таким образом, это государство должно было стать диктатурой для буржуазии и других эксплуататоров и демократией для пролетариата и других трудящихся.

В принципе, в этом нет ничего оригинального. Любое традиционное классовое государство обеспечивает большую или меньшую степень демократии для представителей своего класса и создает политические ограничения и систему подавления, т. е. диктатуру, для трудящихся. Таким образом, если следовать логике этой концепции, в практическом обороте могли и должны были использоваться оба названия – с акцентом на разницу соответствующих функций. Однако в реальной политической истории закрепился только один термин – «диктатура пролетариата», а это уже предрасполагало к восприятию госу-

дарства пролетариата как только диктатуры, но не демократии.

В дальнейшем предполагалось, что по мере обучения трудящихся искусству самоуправления круг участвующих в управлении обществом будет постоянно расширяться, а надобность в профессионалах (государственном аппарате) будет прогрессивно отпадать. И государство нового типа будет постепенно «угасать», как выражался Энгельс, или «отмирать», как чаще выражался Ленин.

Парадокс состоит в том, что процесс отмирания этого государства находится в неразрывном единстве с его укреплением. Однако если учесть, что укрепление социалистического государства есть процесс все большего вовлечения трудящихся в управление, то становится ясно, что и «укрепление», и «отмирание» есть лишь две взаимодополнительные стороны одного и того же процесса. С учетом всего этого Ленин называл пролетарское государство «полугосударством».

Комплекс идей Маркса и Энгельса проанализировал и обобщил Ленин, который увидел в Советах, стихийно создававшихся рабочими в ходе первой революции 1905–1907 гг., «пробраз» или модель специфически русской формы диктатуры пролетариата.

Таковы контуры «идеальной схемы» марксистско-ленинского социалистического проекта, с которым и шли большевики «брать власть» в октябре 1917 г.

Сегодня многие теоретики и практики уже «подвели итоги» великого эксперимента. Их главный вывод: социализм – это неэффективное, бесчеловечное общество, которое не имеет исторической перспективы. Ну, в общем, что-то в духе Шафаревича. Поскольку в настоящее время нет сколько-

нибудь цельного научного исследования того, как реализовывался этот проект в нашей стране, насколько он был и не был реализован в истории советского общества, постольку, я полагаю, делать какие бы то ни было выводы о его состоятельности или несостоятельности еще рано. А делают эти выводы либо в логике обыденного, либо в логике религиозного, но никак не в логике научного сознания. Дело в том, что они построены на нарушении ключевого требования научной методологии, предъявляемого исследователю, о котором говорилось, в частности, и в этой статье, – не отождествлять себя с изучаемым объектом, не мыслить и не говорить на его языке, а осуществлять критическую рефлексию по отношению к изучаемой системе.

В связи с этим хочу напомнить следующее. Тезис о построении социализма в СССР восходит к Сталину, который, правда, сначала высказал это утверждение в более узком смысле. А именно: социализм построен в том смысле, констатировал он в конце 1930-х годов, что отныне капиталистическая реставрация в СССР невозможна, что и нашло отражение в соответствующих партийных и государственных документах. Несмотря на резко критическую переоценку деятельности Сталина в период Н.С. Хрущева, тем не менее этот тезис не только не был отвергнут, но и вошел в оборот и использовался чем дальше, тем в более расширительном смысле. Именно на основе этого тезиса в «эпоху Хрущева» были сформулированы тезисы о достижении «социальной однородности общества» и возникновении «общенародного государства». Более того, утверждалось, что начало этих процессов восходит к тем самым 1930-м годам. Иначе говоря, эти тезисы были сформулированы в той идейно-

теоретической форме, отправные положения которой были определены Сталиным.

Позицию Сталина как субъекта идейно-теоретической и политической деятельности, сформулировавшего тезис о построении социализма, определял достаточно сложный набор факторов, из которых выделим лишь два. Один из них – жесткая идейно-теоретическая полемика, прежде всего с Троцким, другой – ожидания советских людей, которые на предыдущем этапе перенесли достаточно большие лишения и хотели услышать некоторое их объяснение и оправдание. Сталину было важно показать, что лишения и жертвы предыдущих десятилетий были пережиты не зря, что получены масштабные исторические результаты. А сформулировать этот тезис он мог только на одном языке – на языке строительства социализма в отдельно взятой стране. Это тезис, к которому пришел Ленин, который сам Сталин защитил в борьбе с Троцким. И только в логике решения этой задачи Сталин и мог описывать пройденный путь.

И только научное сопоставление «проекта» и полученных к концу 1930-х годов результатов даст возможность оценить, объективно или нет оценивал Сталин степень продвижения общества по пути реализации «социалистического проекта». А если слова Сталина принимаются на веру, не критически, без научно-теоретической рефлексии, то люди, которые это делают, очевидно, сами находятся в плену так называемого «культа личности Сталина», который возник в определенный исторический период и до сих пор не преодолен. На что указывает, в частности, способ мышления

многих ниспровергателей «исторической состоятельности» социализма.

Но допустим, что эти люди и не претендуют на научность своего понимания, а мыслят в логике здравого смысла, в логике житейского, обыденного сознания. Что ж, это их право. И тем не менее, я считаю, им важно осознавать, что рассуждают они в сталинской мыслительной схеме. А если «антисталинист» оказывается в роли последователя идей Сталина, да еще в таком серьезном вопросе, то значит, здесь и со здравым смыслом что-то не в порядке. Никого не хочу обидеть этим замечанием. Просто наше общество столкнулось со столь серьезной проблемой, что, пытаясь ее осмыслить, каждому надо смотреть критически на свое мышление, слышать критику со стороны и критиковать оппонента, приводя соответствующие аргументы. Концептуальная схема, предпосылки построения которой изложены в данной статье и которую я излагаю в другой статье, надеюсь, тоже станет предметом такой – аргументированной – критики. И вместе с тем, тоже надеюсь, даст некоторые теоретические средства для выхода из круга взаимных обвинений спорящих ныне сторон.

Литература

- Давидович В.Е.* Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. – М.: Политиздат, 1989. – 255 с.
- Кудрявцев В.Н.* Равноправие и равенство. – М.: Наука, 2007. – 181 с.
- Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. – Новосибирск: Наука, 1981. – 304 с.
- Шафаревич И.Р.* Социализм как явление мировой истории. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.